

I ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

DOI: 10.48647/ICCA.2025.36.55.001

В.В. Башкеев

ТАЙНА СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА: ТЕКСТОЛОГИЯ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ХАНЬСКОГО ГАО-ЦЗУ (202–195 ДО Н.Э.)¹

Предлагаемый опыт – результат довольно кропотливой работы. Подобные сопоставления требуют от исследователя некоторого терпения. Но мы постарались найти такую форму изложения, которая не слишком искушала бы терпение читателя...²

В.Я. Пропп

Аннотация: В данной статье исследованы различные аспекты отображения обстоятельств смерти Лю Бана, более известного как ханьский Гао-цзу (202–195 до н.э.) во второй части первой главы «Хань шу» («История Хань»). Информация, изложенная в главе «Гао-ди цзи ся» («Вторая часть хроник правления императора Гао-цзу») рассматривается нами в контексте резкого обострения политической борьбы за передачу власти, в которую были вовлечены различные политические силы раннеимперского Китая,

¹ Статья публикуется в составе избранных материалов XXVI Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, ИКСА РАН, 4–5 июня 2025 г.).

² Приведенные ниже стилизованные изображения Лю Бана, императрицы Люй, Ин Бу, Бянь Цяо, Чжао Цзяньцзы и Тянь-ди сгенерированы нейросетью и носят сугубо иллюстративный характер.

прежде всего – род императрицы Люй Чжи. Нами исследуется историко-литературный текст о смерти императора, завершающий вторую часть первой главы «Хань шу» и содержащий литературно-художественное описание исторической реальности. Рассмотрение данного историко-литературного текста при помощи теоретического инструментария классических филологических работ В.Я. Проппа и сопоставление со схожими сюжетами из биографических разделов «Ши цзи» позволило выявить функции литературных героев, подспудно используемые историографом для имплицитного обозначения роли исторических персоналий, задействованных в данной коллизии. В результате выявлена взаимосвязь борьбы Лю Бана с политическими противниками из рода Люй и его внезапной смерти.

Ключевые слова: Древний Китай, Западная Хань, Лю Бан, Императрица Люй, Бянь Цяо.

Автор: БАШКЕЕВ Виктор Викторович, научный сотрудник, Центр изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

Victor V. Bashkeev

The Mystery of the Emperor's Death: Textual Studies of the Last Days of Han Gao-zu (202–195 BC)

Abstract: This article investigates various aspects of the depiction of the circumstances of the death of Liu Bang, better known as Han Gao-zu (202–195 BC) in the second part of the first chapter of *Han Shu* (“History of Han”). The information of the chapter *Gao-di Ji Xia* (“The Second Part of the Chronicles of the Reign of Emperor Gao-zu”) is considered by us in the context of the sharp aggravation of the political struggle for the transfer of power, which involved various political forces of early imperial China, first of all – the family of Empress Lü Zhi. We study the historical and literary text about the death of the emperor, which concludes the second part of the first chapter of the *Han Shu* and contains a literary and artistic description of historical reality. Consideration of this historical-literary text with the help of theoretical tools of classical philological works of V.Y. Propp and comparison with similar stories from biographical sections of *Shi Ji* allowed us to reveal the functions of literary heroes, implicitly used by the historiographer to implicitly designate the role of historical personages involved in this collision. As a result, the relationship between Liu Bang's struggle with political opponents from the Lü family and his sudden death was revealed.

Keywords: Ancient China, Western Han, Liu Bang, Empress Lü, Bian Que.

Author: Victor V. BASHKEEV, Research Associate, Chinese Culture Research Center, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0002-2785-1281. E-mail: bashkeev@iccaras.ru

В четвертом лунном месяце 195 г. до н.э. основатель империи Хань Лю Бан (посмертное храмовое имя – Гао-цзу). лично возглавил экспедицию против вана Ин Бу, поднявшего мятеж на южных окраинах империи. Это выступление было пятым в череде случившихся за предшествовавшие полтора года в различных местах молодого государства. Многомесячный военный поход завершился победоносной битвой, после чего император вернулся в столицу Чанъань. Продолжив оттуда управлять империей, он издал пространный эдикт, в котором жестко и недвусмысленно высказался относительно обострения политической борьбы и сопутствующих ей мятежей. Эдикт сохранился в целом ряде источников, в том числе – во второй части первой главы «Хань шу», приведем его здесь полностью:

Я стал Сыном Неба и ныне вот уже двадцать лет, будучи императором, владею Поднебесной. Вместе с выдающимися воинами и талантливыми мужами я усмирил Поднебесную, воссоединив и умиротворив ее. Самым заслуженным были дарованы титулы ванов, менее [заслуженным] – титулы *лехоу*, и наконец, наименее [отличившимся] – поселения в кормление. Кроме того, некоторые из родственников важных чиновников (*чэнь*) стали *лехоу*, всем им было разрешено самим назначать чиновников (*ли*), назначать и собирать подушные подати (*фу*), а их дочери стали [называться] принцессами (*гунчжу*). Все *лехоу*, получившие в кормление поселения, носят поясные печати, им жалованы большие жилые палаты. Чиновников с доходом в две тысячи даней переместили в Чанъань, где они получили малые жилые палаты. Те, кто вместе с Хань подчинил три [части] Цинь, освобождаются от [податей] пожизненно. Я могу сказать, что не остался в долгу перед мудрыми учеными и заслуженными придворными Поднебесной. Тех же, кто, вопреки собственному долгу, предавая Поднебесную, самовольно поднимет войска, необходимо карать всеобщим походом [против них сил] Поднебесной. Да будет об этом объявлено по всей Поднебесной, чтобы все уяснили Нашу волю [Бань Гу 2021: 155–156].

Рис. 1. Ханьский Гао-цзу (202–195 до н.э.)

Как видно из последней фразы, император, издавший эдикт полон сил и энергии и совершенно не настроен «подводить итоги». Напротив, он посылает явный вызов своим политическим оппонентам, не собираясь снижать накал политической борьбы, и видимо, намереваясь и далее править молодой империей. Однако, «история решила иначе» и сразу после этого эдикта в «Хань шу» (как и в других источниках по истории периода) приводится следующий отрывок:

Рис. 2. Мятежный ван Ин Бу

...[Еще] во время атаки на [Ин] Бу (Рис. 2) в императора попала шальная стрела, отчего в дороге он заболел. [Когда] болезнь приняла тяжелую форму, императрица Люй-хоу пригласила хорошего лекаря. Когда лекарь вошел [в покои] и провел осмотр, император спросил лекаря: «Болезнь излечима?». Лекарь ответил: «Излечима». На это император с руганью обрушился на лекаря: «Я в простой холщовой рубахе [с мечом] длиною в три чи в руках завоевал всю Поднебесную, разве это не по воле Неба? А коль скоро судьба моя зависит от Неба, даже будь здесь сам Бянь Цяо, какая от [лечения] польза?!».

Он не разрешил лечить болезнь, но пожаловал лекарю пятьдесят цзиней золота и отослал его. Императрица Люй-хоу (Рис. 3) спросила: «Когда придет предел годам Вашего величества, в случае смерти министра государства Сяо [Хэ] кем прикажете заменить его?». Император ответил: «Можно назначить Цао Шэня». Императрица спросила о следующем [министре государства], и император сказал: «Можно назначить Ван Лина, он хоть и простоват, но Чэнь Пин сможет ему помочь. Чэнь Пин умен, даже излишне умен, но одному управиться ему будет трудно. [Что касается] Чжоу Бо, то он великодушный, но малообразованный человек. Однако заботиться о спокойствии рода Лю будет, несомненно, Бо, поэтому его можно назначить военным министром». Императрица Люй-хоу вновь спросила о том, кого же назначить следующим [министром государства], и тогда император сказал: «А после этого [назначения] и тебе уже не дано знать, что будет».

Эта полная странностей сцена – последнее, что читатель узнает из «Хань шу» о жизни Лю Бана перед сообщением о его смерти в одном из столичных дворцов [Бань Гу 2021: 156].

Рис. 3. Императрица Люй Чжи

Лю Бан как историческая персоналия и как литературный герой

1. Структурный анализ

Вышеприведенный фрагмент первой главы «Хань шу» вызывает немало вопросов без очевидных ответов. В качестве рабочей гипотезы³ для дальнейшего анализа мы используем предположение, что **реальные обстоятельства смерти носителя высшей власти были скрыты за ширмой повествования о литературном герое**, рассказ о котором оказался единственной дошедшей до нас информацией о последних днях императора. Оттолкнувшись от данной гипотезы, поставим следующие вопросы:

- где перед нами историческая персоналия, а где литературный герой, персонаж мифа, легенды, эпоса; как их различить?
- возможно ли, изучая информацию о литературном герое, раскрыть действительные причины смерти исторической персоналии?
- что стоит за удивительной прозорливостью Лю Бана, с точностью предсказавшего личности всех первых министров империи на следующие полтора десятилетия?
- почему и зачем информация о его последних днях была подана в таком виде?
- каким политическим противникам было адресовано предостережение императора в его последнем эдикте?

³ Неоспоримая полезность рабочей гипотезы как инструмента ученого-исследователя для нас очевидна, однако, все же приведем примеры использования таковых именно в контексте гуманитарных исследований в историко-филологической предметной области. Так, В.Я. Пропп в «Морфологии волшебной сказки» пишет: «Существование волшебных сказок как особого разряда допускается как необходимая рабочая гипотеза» [Пропп 2023: 26]. М.Ю. Ульянов, изучая понятие *гожэнь* 國人 и говоря о методе исследования, пишет: «Опираясь на опыт предшественников, мы исходили из недопустимости изначальной заданности выводов о значении этого понятия. Но «предзнание» нужно отличать от понятия «рабочая гипотеза» – одного или нескольких вероятностных предположений, которые позволяют наметить направления поиска и критически осмыслить получаемые результаты. В свою очередь гипотеза основывается на теории как форме обобщения опыта, а также на интуиции, накопленной во время перевода и исследования текста памятника, и методе, который определяет характер проводимого исследования и задает его условия» [Ульянов 2024: 267].

Чтобы подступиться к решению этих вопросов, рассмотрим текст «Хань шу» с точки зрения жанровой принадлежности его внутренних структурных единиц⁴. Структурно-жанровый анализ второй части первой главы «Хань шу» показал, что в ней выделяются «исторические» и «историко-литературные» тексты. Первые по своему происхождению восходят к храмовой (жреческой) среде, где жрецами-историографами фиксировались деяния императоров. Они создавались специально с целью сохранения исторических сведений. Поскольку императоры, будучи Августейшими Предками (*хуан ди* 皇帝) выполняли функции Верховных жрецов, медиаторов между мирами, их деяния носили сакральный характер и должны были быть защищены от заметного искажения. Поэтому храмовая жреческая среда, где велись анналы правления, определенным образом «цементировала» датированную информацию, придавая ей шаблонную форму, обусловившую ее емкость и лапидарность [Ульянов 2016: 127–182, 2024: 262–297]. Вторые происходили из среды, где создавались фольклорные произведения – мифологические, сказочные былинные, эпические и житийные. Именно они становились основой для «литературной рефлексии» исторического процесса.

«Историко-литературные» тексты, унаследовав мифологическое, сказочное былинное, эпическое, житийное содержание, подразумевают особые средства и формы выражения. Они повествуют об истории, рассказывают о ней развернуто, художественно подчеркивая содержание специальными литературными средствами. Это открывает гипотетические возможности для «вкладывания» дополнительных смыслов в изложение, что позволяет историографу выразить то, что невозможно высказать прямо. Поэтому при анализе заключенной в них информации, важно отделить **сказ о приключениях литературного героя** (мифического, эпического и или сказочного) от **сообщений о деяниях исторической персоналии**. Критериями наличия в ткани исторического источника «историко-литературного» текста и связанного с ним литературного героя являются типологические и художественно-выразительные признаки.

⁴ Ранее нами и нашими коллегами был разработан теоретический аппарат структурно-жанрового анализа китайских исторических источников и выделения в них «исторических» и «историко-литературных» текстов, в том числе для ряда глав «Хань шу» из раздела «Ди цзи» см.: [Башкеев 2011: 40–42, 2018: 455–459, 2019: 88–93], [Ульянов 2011: 44–47, 2024: 262–297], [Башкеев, Ульянов, Целуйко 2012: 41–71].

2. Типологические признаки

Типологические признаки – это наличие в рассматриваемом тексте **типовых функций** действующих лиц, позволяющих определить их как героев фольклора – мифа или сказки. При выявлении этих функций мы опирались на подход В.Я. Проппа, показавшего структурную устойчивость функций действующих лиц в различных фольклорных волшебных сказках, их одинаковую последовательность и структурную однотипность [Пропп 2023: 28–30]. В тексте, описывающем смерть Лю Бана, мы обнаружили две группы таковых типовых функций героя, расположенных в определенной последовательности. Согласно классификации В.Я. Проппа, это две группы функций: № XI–XV и XXIV–XVIII [Пропп 2023: 46–50, 65–67]⁵. В них император Лю Бан предстает в виде героя волшебной сказки и действует в почти полном соответствии с типовой последовательностью ее функций в развитии сюжета.

Так, в завязке сюжета наблюдаются две типовые функции волшебной сказки: находясь в походе, Лю Бан *покидает дом* (XI); в походе его ранит шальная стрела, отчего возникает болезнь – он *подвергается нападению* (XII). В развитии сюжета по случаю болезни к герою приходит лекарь – *будущий даритель, на действия которого герой реагирует* (XIII). Кульминацией первой группы типовых функций героя выступает *получение им в распоряжение волшебного средства* (XIV), а именно – возможности излечиться при помощи лекаря.

В этот момент проявляется слом типового течения сюжета: герой **отказывается** от волшебного средства и отсылает дарителя, одарив его в ответ. Тем самым герой **нивелирует действие** дарителя, принёсшего волшебное средство и уходит от развития сюжета к следующей по порядку типовой функции (XV). Он остается на месте и **не отправляется к месту нахождения предмета поисков** (этим предметом, видимо, выступает его исцеление), вместо него это действие совершает даритель, роль которого на этом заканчивается.

Это – важнейший момент в повествовании. Данным сломом типового развития сюжета рассказчик указывает на нетипичное, нестандартное, форс-мажорное развитие событий. Подчеркивается «форс-мажор» также и тем, что далее рассказ следует по новому сценарию, в дело вступают типовые функции второй группы (XXIV–XVIII), о которых В.Я. Пропп

⁵ Нумерация функций сохранена согласно порядку В.Я. Проппа.

пишет: «с этого момента развитие повествования уже иное, сказка дает новые функции» [Пропп 2023: 65].

Главное в этих новых функциях – это появление *ложного героя, который предъявляет необоснованные притязания* (XXIV). В этой роли выступает действующая императрица из рода Люй. Она сначала витиевато указывает на **скорую смерть** героя, а затем от ее лица *герою предлагается трудная задача* (XXV): ему нужно выбрать ряд кандидатур на должность первого министра после смерти нынешнего. Эта *задача решается* (XXVI), герой, проявив **недюжинную прозорливость**, предсказывает персоны четырех первых министров, пробывших на этих должностях в следующие полтора десятка лет. Далее *героя узнают* (XXVII) потомки – император прямо говорит о защите интересов рода Лю, а *ложный герой (или антагонист) изобличается* фразой «после этого и тебе уже не дано знать, что будет» 此後亦非乃所知也.

Продемонстрированная здесь типовая роль *ложного героя и антагониста*, в которой предстает императрица Люй, а с ней и весь ее род после отказа императора от *волшебного средства* (то есть лечения, исцеления) – главный результат этой части нашего исследования. С исторической точки зрения это отсылает нас к известному междинастическому конфликту между родами Лю и Люй, когда последние стремились уничтожить первых, но потерпели поражение [Башкеев 2022: 173–174]. В то же время в повествовании просматривается намек на то, что герой Лю Бана «забрался слишком высоко», сломав нормальный ход сюжета отказом от дарованного ему *волшебного средства*. В этой ситуации предположение, что Люй напрямую причастны к устранению Лю Бана, уже не выглядит умозрительным, а опирается на расшифровку выразительных средств литературной реальности, доступных историографам тех лет для передачи такой чувствительной информации.

Таким образом, типовое изложение функций сказки становится для рассказчика, а затем и историографа эффективным средством передачи раскладов реальной политической борьбы между Лю и Люй. Более детально разобрать эту коллизию политической борьбы нам поможет анализ на уровне средств художественной выразительности.

3. Художественно-выразительные признаки

Уровень средств художественной выразительности позволяет выявить содержащиеся в тексте художественно-выразительные признаки

литературного произведения – литературно-языковые приемы, использующие те или иные **тропы**. Примененные к предметам или персоналиям сказок, данные тропы формируют эмоционально окрашенный художественный образ, характерный для произведений фольклора. Проведя анализ исследуемого фрагмента на данном уровне, мы обнаружили, что для выражения первой группы типовых функций (XI–XIII) в завязке и развитии сюжета о встрече героя и дарителя используются некие **предметы, связанные с героем**. Это ранившая его *стрела* и его *одежда и меч*. Данные предметы включены в устойчивые фразы, определенным образом характеризующие героя. Так, в связи с типовой функцией *герой реагирует на действия дарителя* (XIII) интересен архетип, подчеркнутый тропами «холщовой одежды» и «короткого меча» и выдающего фразу скромного выходца из народа: «Я в простой холщовой одежде, держа [короткий] меч в три *чи* захватил Поднебесную» 吾以布衣提三尺劍取天下 (Табл. 1).

Таблица 1

Тропы и фразы из типовых функций XII и XIII

№	Атрибут		Предмет		Троп		Фраза	
		Шальная	流	Стрела	矢	Шальная стрела	流矢 所中	Был ранен шальной стрелой
	Хороший	良	Лекарь	醫	Хороший лекарь	良醫	Люй-хоу пригласила хорошего лекаря	
	Холщовая (простонародная)	布	Одежда	衣	Холщовая одежда	布衣	Я в простой холщовой одежде	
	Короткий	三尺	Меч	劍	[Короткий] меч в три <i>чи</i>	三尺劍	Держа [короткий] меч в три <i>чи</i> захватил Поднебесную	

Иными словами, перед нами предстает художественный образ правителя огромной империи, не имевшего никаких особых средств для завоевания Поднебесной, кроме самого обычного бронзового меча и... Воли Неба.

Линия «непритязательности и самопожертвования» достигает кульминации в типовой функции (XIV), когда герой отказывается от *волшебного средства*, ссылаясь на ту самую Волю Неба (*Тянь мин* 天命), которая фактически выступает еще одним важнейшим тропом. Кульминационная фраза императора состоит из 14 иероглифов и совпадает до-

Рис. 4. Лекарь Бянь Цяо

Рис. 5. Чиновник Чжао Цзяньцзы

словно в «Ши цзи» и «Хань шу». По своей форме она может быть представлена как четырехсложное ритмическое восклицание. Само по себе это уже примечательно – о Лю Бане как об исторической персоналии в письменных источниках не осталось примеров особой изящности слога. А на смертном одре он (т.е., его литературный герой) заговорил высоким штилем, по всем правилам китайского речитатива и стихосложения, изящно «сыграв» на дуальности значений *мин* 命 как Повеления и Судьбы:

此	Это –
非天命乎	Не Воля Неба ли?!
命乃在天	Судьба коли на Небе
雖	То и от
扁鵲何益	Бянь Цяо каков прок?!

На первый взгляд, этот троп – лишь апелляция к неотвратимости Воли Неба и выражение покорности течения предначертанной Судьбы, за которой не стоит более никаких подробностей. Однако в данной фразе есть ключ, который открывает принципиально важные подробности, полностью меняя содержание понятия *Тянь мин* 天命 в исследуемом контексте. Этот ключ – фигура Бянь Цяо 扁鵲⁶, полупоэтического лекаря эпохи Восточное Чжоу (Рис. 4)⁷.

Повеление Небесного Владыки (*Тянь мин* 天命) как «волшебное средство»⁸

В «Ши цзи» сохранилась подробная биография лекаря в главе 105. Одним из центральных сюжетов в ней является ключевой с политической точки зрения момент карьеры Бянь Цяо, связанный с болезнью Чжао Цзяньцзы 趙簡子. Чжао Цзяньцзы – чиновник царства Цзинь из

⁶ Также читается как «Бянь Цюэ».

⁷ По разным оценкам время жизни фигуры, описанной в 105 главе «Ши цзи» варьируется от VI до IV в. до н.э., Поэтому невозможно утверждать, к периоду Чуньцю или Чжаньго относилось реальное историческое лицо, если таковое вообще существовало.

⁸ Автор признателен коллегам корееведов К.В. Асмолову и А.В. Соловьеву, и в особенности своему другу и коллеге М.С. Целуйко за плодотворные беседы, где кристаллизовались высказанные здесь идеи относительно концепции *Тянь мин*.

рода Чжао, по информации данной главы узурпировавший государственную власть в момент ослабления политического влияния цзиньского Чжао-гуна.

Сюжет с его недугом и визитом Бянь Цяо по этому поводу сохранился в двух главах «Ши цзи», больше подробностей приводится в главе 43, о наследственном доме рода Чжао [Сыма Цянь 2002: 246–247]. В ней Бянь Цяо, **войдя в палаты и осмотрев пациента**, не оказывает врачебной помощи, ссылаясь на то, что жизни пациента ничего не угрожает. Пациент же, находясь в летаргическом сне, получает в это время информацию с Небес.

Очнувшись спустя двое суток, Чжао Цзяньцзы (Рис. 5) сообщает о встрече во сне с Небесным владыкой – Тянь ди 天帝. По его приказу Цзяньцзы застрелил двух медведей – черного и бурого, а Небесный владыка предрек ему гибель царства Цзинь спустя семь поколений. Обратим внимание на сходную с рассказом о смерти императора Лю Бана точность пророчества – время распада Цзинь «предсказано» безошибочно.

Как видно, фигура Бянь Цяо в данном случае выступает своеобразной «гиперссылкой» в общей огромной паутине китайского письменного наследия, переплетенного связями разных форм, некоторые из которых на первый взгляд спонтанны и внешне незаметны. Такие ссылки позволяют «отправлять читателю» те или иные «непрямые послания», аллюзии, что особенно востребовано в тех случаях, когда прямое высказывание невозможно.

В нашем случае, в «историко-литературных» текстах это связи по типологическим и художественно-выразительным признакам. Изучим два рассказа с этой точки зрения, исходя из того, что герои этого повествования – Чжао Цзяньцзы (рассказ 1) и Лю Бан (рассказ 2), а лекари выступают в роли *дарителей*.

Здесь представлены три типовые функции (по Н.Я. Проппу – XIII–XV), которые оформляют завязку, развитие и кульминацию сюжета (Табл. 2). В тексте про Чжао Цзяньцзы также соблюдается логика типового сказочного повествования, более того, фактически, излагается **один и тот же сюжет**.

Таблица 2

**Типовые функции и совпадения во фразах из рассказов
о Чжао Цзяньцзы и Лю Бане**

Типовая функция	Фразы из Расказа 1	Перевод	Фразы из Расказа 2	Перевод	Совпадения	Реконструкция
Герой допытывается, выпрашивается, подвергается нападению	疾五日	Болезнь пять дней	行道疾	Заболеет в дороге	疾	Заболеет (<i>цзи</i>)
Герой реагирует на действия будущего дарителя:	召扁鵲	Пригласили Бянь Цяо	迎良醫	Пригласила лекаря	召(迎)	Пригласили (<i>чжао, ин</i>)
Действия дарителя:	扁鵲入視病	Бянь Цяо вошел осмотреть больного	醫入見	Лекарь вошел осмотреть	入視(見)	вошел (<i>жу</i>) осмотреть (<i>ши, цзянь</i>)
	問扁鵲	Спросили Бянь Цяо	問醫曰	Спросили лекаря	問	Спросили (<i>вэнь</i>)
	血脈治也	Кровоток нормальный	可治	Можно нормализовать	治	Нормальный (<i>чжи</i>)
Реакция героя	有一熊欲援我	Медведь хотел помочь мне	吾以布衣	Я в простой холщовой одежде	我	Мне
	帝命我射之 中熊熊死	Небесный владыка повелел мне застрелить его. Попал в медведя и он умер.	提三尺取天下 此非天命乎	Держа меч в три чи, добыл Поднебесную – это не по Велению ли Небесного [владыки]?	(天)帝命 (射)取	Небесный владыка (<i>Тянь ди</i>) повелел (<i>мин</i>) застрелив (<i>шэ</i>) [медведей], добыть (<i>цой</i>) [Поднебесную]

Герой получает волшебное средство	有羅來我又射之中羅羅死帝甚喜	Пришел еще один медведь, и я вновь выстрелил в него; попал в медведя, и он умер. Небесный Владыка был весьма обрадован.	命乃在天	А если Повеление уж свершилось на Небесах	命在天帝喜	Повеление совершилось (<i>мин цзай</i>) – Небесный Владыка рад (<i>Тянь ди си</i>)
	血脈治也而何怪!	Кровоток нормальный – к чему же бояться?!	雖扁鵲何益	То и в самом Бянь Цяо – какой прок?!	何	[Так] чего же [еще]?!

С точки зрения функций действующих лиц этот текст похож на повествование про Лю Бана и также содержит три действующие стороны: *герой* (властная особа), *ложный герой или же антагонист* (его приближенные чиновники) и *даритель волшебного средства* (очень хороший лекарь, сам Бянь Цяо). Логично, что *даритель* выступает медиатором между первыми двумя. Соответственно, сюжет развивается по уже известной нам типовой схеме: в заявке сюжета *герой* попадает в беду, в его развитии *ложный герой* призывает *дарителя волшебного средства*. Тут наконец герой выступает в активной роли, реагируя на действия дарителя, после чего наступает кульминация – герой взаимодействует с волшебным средством, и ключевой вопрос тут в том, что именно выступает в этом качестве. В обоих сопоставляемых текстах приближенные занемогшей властной особы призывают к ней хорошего лекаря, который осматривает больного и выдает вердикт. В ответ на это правитель апеллирует не к лекарю, а непосредственно к Небу, которое в качестве кульминации сюжета **отвечает ему**.

На уровне художественно-выразительных средств в этих текстах прослеживается еще больше сходства, вплоть до использования одних и тех же или (реже) синонимичных иероглифов. Наиболее явно совпадения видны в первой половине сюжета (до реакции героя). Совпадают также и «активности», происходящие с действующими лицами. Эти «активности» выражены иероглифами в предикативном значении, всего в первой половине сюжета таких совпадающих предикатов шесть, четыре из них (70%) выражены одинаковыми иероглифами, что явно сви-

детельствует о высокой структурной устойчивости этой части сюжета в китайской литературной традиции вообще и в текстах, сохранившихся в рамках исторических сочинений эпохи Хань в частности.

Так, оба героя *заболевают* [1] (в обоих рассказах выражено иероглифом 疾 *ци*) и поэтому приближенные *приглашают* [2] (выражено близкими по значению иероглифами 召 *чжао* и 迎 *ин*) лекаря, который *входит* [3] (выражено иероглифом 入 *жу*) *осмотреть* [4] (выражено близкими по значению иероглифами 視 *ши* и 見 *цзянь*) больного. Приближенные спрашивают [5] (выражено иероглифом 問 *вэнь*) его о состоянии и узнают, что оно соответствует *норме* | *нормализуемо* [6] (выражено иероглифом 治 *чи*).

Таким образом, суть сюжета о положении героя (властной особы) с точки зрения ложного героя (приближенных) через посредство дарителя можно реконструировать так: «[Ты] заболел, [мы] пригласили, [он] пришел осмотреть, [мы] спросили – все [с тобой] нормально». Действующие лица здесь связаны по схеме «ты (не в норме)-мы-он-ты (в норме)», то есть ложный герой предлагает герою дарителя как посредника между «собой не-нормальным» и «собой нормальным».

Иными словами, между героем и ложным героем происходит **торг за что-то важное для героя**. Исходная ситуация представляется ложному герою ненормальной и при помощи призыва дарителя с волшебным средством (то есть излечением) он стремится ее изменить, приведя героя к некоей норме, которая устроит ложного героя. Однако позиция героя иная. Он отвергает дарителя как носителя волшебного средства, считая его ложным, поскольку сам даритель призван ложным героем. Герой прямо сообщает, что его волшебное средство иное и преподносится иным дарителем, неизмеримо более высоким по статусу. Этот даритель никто иной, как Небесный владыка (*Тянь ди*, Рис. 6), а его волшебное средство – это Повеление Небесного Владыки (*Тянь мин*), то есть инструкция, задание, выданное герою⁹. Это задание и является истинным

⁹ Редукция бинорма *Тянь ди* до *тянь* в понятии *Тянь мин* и до *ди* в понятии *Тянь ди* не должна вводить в заблуждение. В данном контексте очевидно личностное, персональное наполнение истинного дарителя героя, Небесного владыки, что отсылает к древним, изначальным коннотациям *Тянь* времен надписей на костях и бронзе как верховного сверхъестественного существа с нимбом на голове, позже известного как *Шанди* 上帝 или же *Тянь ди*, давшего каждому из рассказов по одной из своих частей. В данном контексте становится понятно, что Лю Бан следовал *э мин* 革命 «смене повеления владыки» (совр. «революции»), то есть тому, что «задания от Неба изменились». Переводя на исторический язык, тогдашнему обществу требовались карди-

Рис. 6. Небесный Владыка Тянь ди

волшебным средством и выдано оно задолго до того, как к нему явился даритель от ложного героя.

Имея это в виду, сопоставим реакцию героев в двух рассказах по сходным или тождественным феноменам. Тождественны местоимения Я [1] (выражено иероглифами 我 *во* и 吾 *у*), сходны понятия [2] Владыка (帝 *ди*) и Небесный (天 *тянь*), [3] стрелять (射 *шэ*) медведей и добыть

нальные перемены, сравнимые с революционными. Отметим что расхожий перевод «Небесный мандат» в данном контексте становится совершенно неподходящим, равно как и чрезмерно абстрактен вариант «Воля Неба».

(取 *цзуй*) Поднебесную, полностью совпадает понятие [4] Повеление (*мин*命)

В результате вокруг тождественности Повеления как *волшебного средства* можно реконструировать следующую сводную позицию героя-владельца. Он отвечает ложному герою, говоря ему о том, что волшебное средство **уже при нем** и ему более ничего не надо: Мне (*У*) Небесный владыка (*Тянь ди*) повелел (*мин*): застрелив (*шэ*) [двух] медведей (*сюн*) добыть (*цзуй*) [Поднебесную (*Тянь ся*)]. Повеление совершилось (*мин цзай*) – Небесный Владыка рад (*Тянь ди си*) [Так] чего же [еще желать]?! 吾天帝命射熊取天下,命在天帝喜,何益?!

Если считать эту реконструкцию непрямым посланием ханьских историографов, то они сообщают о двух вещах: **торге** ложного героя (императрицы Люй и всего его рода) с Лю Баном, получившим предложение пощады в обмен на уход со сцены. И главное – ответе Лю Бана на это предложение, в сложившихся исторических обстоятельствах по сути принесшего себя в жертву, наотрез отказавшись отступить от выбранного политического курса.

Если же предположить, что медведь – это аллюзия на царство Чу, где ранее правил род Сюн (熊 «медведь») с уроженцем которого Сян Юем столкнулись царства Великой равнины в борьбе за объединение Поднебесной и с северных границ которого происходил и Лю Бан, то убийство двух, а не одного медведя в получившемся мета-тексте указывает не только на историческое поражение Сян Юя, но и на жертву Лю Бана принципиально не пожелавшего отступить от выбранного пути объединения Поднебесной новыми, имперскими методами. Исподволь историографы признают верными, указывая на то, что исполнено Лю Баном велено самим Небесным Владыкой, в то время как род Люй – это лишь ложные герои, имеющие ложные притязания на власть. Так, через историко-литературный текст де-факто выражается прямое указание на род Люй как на виновников преждевременной смерти Лю Бана.

Заключение

Поставленные нами вопросы получили следующие ответы. В историко-литературном тексте о смерти императора перед нами – литературный герой; его мы отделили от исторической персоналии, проводя анализ признаков литературной реальности. Изучая информацию о ли-

тературном герое, мы реконструировали не прямые послания историографа об исторической реальности и вскрыли действительные причины смерти Лю Бана – интриги рода Люй. Императору был предъявлен ультиматум: уход с политической сцены или смерть. Это объясняет угрозы Лю Бана как исторической персоналии в своем последнем эдикте, отмеченном нами в начале работы. Но Люй, а говоря шире – элиты царства Ци его переиграли, сохранив свое влияние и значительно позднее [Башкеев 2022: 173–182]. Если предположить, что первым историографом, собиравшим историю наследственных домов в историческое сочинение, был, вероятно, Сыма Тань 司馬談 то становится ясным, почему ему пришлось изъясняться иносказательно. Живший еще при Цзин-ди (157–141 до н.э.) историограф не мог выражаться эксплицитно, поскольку влияние противников объединения из царства Ци, к которым принадлежал род Люй, вновь стало возрастать. Поэтому информация о последних днях Лю Бана не могла быть подана прямо и за удивительной прозорливостью его литературной ипостаси стоит необходимость скрытого обличения рода Люй как выбравшего ложный, регрессивный путь развития Поднебесной.

С данной точки зрения наша рабочая гипотеза становится правдоподобной и доказанной путем филологического анализа историко-литературных текстов со сходным сюжетом. Таким образом можно аргументировано утверждать, что род Люй и стоявшие за ним циские элиты предложили Лю Бану отступить и после принципиального отказа уничтожили его.

Библиографический список

Бань Гу. Хань шу («История Хань»): в 8 т. / пер. с китайского В.В. Башкеева под ред. М.Ю. Ульянова; коммент., вступит. ст. и приложение В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова. – (Памятники письменности Востока. CLVI, 1 / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.). Т. 1. – Ди цзи («Хроники [правления] императоров»). Главы 1–6. – М.: Наука–Вост. лит., 2021.

Башкеев В.В. Жанровая атрибуция текста второй части первой главы Хань-шу («История Хань»): анализ структуры главы // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. 2011. Вып. 8. С. 39–44.

Башкеев В.В. «Исторические повествования» и «нарративы» в отображении борьбы основателя империи Западная Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.) // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII.2. – М.: ИВ РАН, 2018. С. 151–269.

Башкеев В.В. О структуре изложения в разделе Ди-цзи Хань-шу (на материале главы Гао-Ди-цзи ся) // Общество и государство в Китае. Т. XLIX.2. – М.: ИВ РАН, 2019. С. 87–107.

Башкеев В.В. Развитие политического процесса в империи Западная Хань во II–I вв. до н.э.: этапы противостояния старых и новых элит // Российское Китаеведение. 2022. №1. С. 171–184.

Башкеев В.В., Ульянов М.Ю., Целуйко М.С. Подходы к исследованию политических процессов в описании древней и средневековой истории Китая и стран Юго-Восточной Азии // «Отголосок прошедшего в будущем». Сборник научных статей преподавателей и аспирантов исторического факультета ПСТГУ. – М.: издательство ПСТГУ, 2012. С. 41–71.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI / Пер. с китайского и коммент. Р.В. Вяткина. Предисловие Р.В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 1992.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / Пер. с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца, вступит. ст. Р.В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2002.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. Изд. 2-е, испр. и доп. под ред. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2003.

Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // Общество и государство в Китае. Т. XLI. – М.: ИВ РАН, 2011. С. 43–60.

Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»): соотношение «исторического» и «каноноведческого» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. – СПб.: Издательство А. Голода, 2014. С. 248–270.

Ульянов М.Ю. Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditori Илье Сергеевичу Смирнову. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. L. – М., 2013. С. 317–336.

Ульянов М.Ю. Данные «Чунь цю цзо чжуань» («Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”») о ведении анналов в период Чуньцю (771–453 гг. до н. э.): записи деяний монархов / М.Ю. Ульянов // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь И. А. Алимова / О.И. Трофимова, И.А.Алексеев, Ю.Б. Гаврилова и др. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2024. С. 279–307.

班固: 汉书 [Бань Гу. История Хань]. – 北京: 中华书局出版社, 1962 年.

References

Ban Gu (2021). *Han' shu* («Istoriya Han'»): v 8 t.; per. s kitajskogo V.V. Bashkeeva pod red. M.Yu. Ul'yanova; komment., vstupid. st. i prilozhenie V.V. Bashkeeva i M.Yu. Ul'yanova [History of Han. In 8 vol. Translated from Chinese by V.V. Bashkeev, ed. by M.Yu. Ul'yanov; commentary, introductory article and appendix by

V.V. Bashkeev and M.Y. Ulyanov]. – (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. CLVI, CLVI, 1; redkol.: A.B. Kudelin (pred.) i dr.) [Monuments of the written language of the East. CLVI, 1; Editorial Board: A.B. Kudelin (Chairman) et al.]. T. 1. – Di czi («Hroniki [pravleniya] imperatorov»). Glavy 1–6 [Vol. 1. Chronicles of the Emperors [reign]. Chapters 1–6]. Moscow: Nauka–Vost.lit. (In Russian)

Bashkeev, V.V. (2011). Zhanrovaya atributatsiya teksta vtoroy chasti pervoy glavy Han'-shu ("Istoriya Han'"): analiz struktury glavy [Genre Attribution of the Text of the Second Part of the First Chapter of Han-shu ("History of Han"): Analysis of the Chapter's Structure], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Vostokovedenie*, No. 8: 39–44. (In Russian)

Bashkeev, V.V. (2018). "Istoricheskie povestvovaniya" i "narrativy" v otobrazhenii bor'by osnovatelya imperii Zapadnaya Han' (202 g. do n.e. – 8 g. n.e.) ["Historical Narratives" and "Narratives" in Depicting the Struggle of the Founder of the Western Han Empire (202 BC to 8 AD)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, Vol. XLVIII.2: 151–269. (In Russian)

Bashkeev, V.V. (2019). O strukture izlozheniya v razdele Di-tszu Han'-shu (na materiale glavy Gao-Di-tszu sya) [On the Structure of Presentation in the Di-ji Section of Han-shu (Based on the Chapter Gao-Di-ji Xia)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, Vol. XLIX.2: 87–107. (In Russian)

Bashkeev, V.V. (2022). Razvitie politicheskogo protsesssa v imperii Zapadnaya Han' vo II–I vv. do n.e.: etapy protivostoyaniya starykh i novykh elit [The Development of the Political Process in the Western Han Empire in the 2nd–1st Centuries BC: Stages of Confrontation Between Old and New Elites], *Rossiyskoe kitaevvedenie*, No.1: 171–184. (In Russian).

Bashkeev, V.V., Ulyanov, M. Yu., & Tseluyko, M.S. (2012). Podkhody k issledovaniyu politicheskikh protsessov v opisaniy drevney i srednevekovoy istorii Kitaya i stran Yugo-Vostochnoy Azii [Approaches to the Study of Political Processes in the Description of Ancient and Medieval History of China and Southeast Asian Countries], *"Otgolosok proshedshogo v budushchem": Sbornik nauchnykh statey prepodavateley i aspirantov istoricheskogo fakul'teta PSTGU*. Moscow: PSTGU. Pp. 41–71. (In Russian)

Propp, V.Ya. (2023). Morfologiya volshebnoy skazki; Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Morphology of the Folktale; Historical Roots of the Folktale]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.

Syma, Tsian' (1992). Istoricheskie zapiski (Shi czi) [*Sima, Qian*. Historical Records (Shi Ji)]. Vol. VI, R. V. Vyatkin, Trans. & Comm.; R.V. Vyatkin, Introduction. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Syma, Tsian' (2002). Istoricheskie zapiski (Shi czi) [*Sima, Qian*. Historical Records (Shi Ji)]. Vol. VIII, R. V. Vyatkin & A. M. Karapetyants, Trans. & Comm. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Syma, Tsian' (2003). Istoricheskie zapiski (Shi czi) [*Sima, Qian*. Historical Records (Shi ji)]. Vol. II, R. V. Vyatkin & V. S. Taskin, Trans. & Comm.; 2nd ed., A. R. Vyatkin, Ed. Moscow: Vost. lit. (In Russian)

Ulyanov, M.Yu. (2011). *Tekstologicheskie aspekty izucheniya Chun'tszyu Tsochzuan'*: k probleme vydeleniya i kharakteristiki strukturno-zhanrovyykh grupp [Textual Aspects of Studying Chunqiu Zuozhuan: On the Problem of Identifying and Characterizing Structural-Genre Groups], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, Vol. XLI: 43–60. (In Russian)

Ulyanov, M.Yu. (2013). *Ob etapakh istoriopisaniya v Drevnem Kitae: periodi Chun'tszyu i Chzhan'go (VIII–III vv. do n.e.)* [On the Stages of Historiography in Ancient China: The Chunqiu and Zhanguo Periods (8th–3rd Centuries BC)], *Institutionis Conditori II'e Sergeevichu Smirnovu*. Moscow. Pp. 317–336. (In Russian)

Ulyanov, M.Yu. (2014). *Struktura "kommentiruyushchego kompleksa" Chun'tszyu Tsochzuan' ("Kommentariy Tso k Chun'tszyu")*: sootnoshenie "istoricheskogo" i "kanonovedcheskogo" [The Structure of the "Commentary Complex" of Chunqiu Zuozhuan ("Zuo's Commentary on the Spring and Autumn Annals"): The Relationship Between "Historical" and "Canonical"], *Rozenbergovskiy sbornik: vostokovednye issledovaniya i materialy*. St. Petersburg: Izdatel'stvo A. Goloda. Pp. 248–270. (In Russian)

Ulyanov, M.Yu. (2024). *Dannyye "Chun'tsyu tso chzuan'" ("Kommentariy Tso k 'Vyosnam i osenyam'") o vedenii annalov v period Chun'tsyu (771–453 gg. do n. e.): zapisi deyaniy monarkhov* [Data from "Chunqiu Zuozhuan" ("Zuo's Commentary on the 'Spring and Autumn Annals'") on the Keeping of Annals During the Chunqiu Period (771–453 BC): Records of Monarchs' Deeds], *Peterburgskoye vostokovedeniye: al'manakh: Festschrift v chest' I. A. Alimova*. St. Petersburg. Pp. 279–307. (In Russian)

班固 (1962). *汉书 [Ban Gu. History of Han]*. 北京: 中华书局出版社. (In Chinese)